

Александр Грин

Лужа Бородатой Свиньи

Александр Грин
Лужа Бородатой Свины

«Public Domain»

1912

Грин А. С.

Лужа Бородатой Свиньи / А. С. Грин — «Public Domain», 1912

После чтения иного письма можно и умереть... Если впервые всерьёз задуматься о «вечных вопросах». © FantLab.ru

Содержание

I	5
II	6
III	8

Александр Степанович Грин

Лужа бородатой свины

I

Образ свины неистребим в сердце человеческих поколений; время от времени природа, уступая немилосердной потребности народов, наций и рас, производит странные образцы, прихлопывая одним небольшим усилием все радостные представления наши о мыле, зубных щетках и полотенцах.

В мае 1912 года двое любопытных молодых людей стояли у высокого деревянного забора; один из них наклонил голову и, уперев руки в бедра, держал на своих плечах товарища, который, схватившись за край ограды, усаженный гвоздями, смотрел внутрь двора.

В лице нижнего было выражение физического усилия и нескрываемой зависти к стоявшему на его плечах человеку; пошатываясь от тяжести, нижний ежеминутно спрашивал:

– Ну, что? Что там? А? Видно что-нибудь, нет?

Нижнего звали Брюс, а верхнего Тилли.

– Постой, – шепотом сказал Тилли, – молчи, мы сейчас уйдем.

– В тебе пять пудов, если не больше, – ответил Брюс.

– Просто ты слаб, – возразил Тилли, – постой еще две минуты.

Вдруг Тилли наклонил голову и прыгнул; одновременно с этим Брюс услышал за стеной выстрел и хриплый голос, выкрикивающий угрозы.

– Он увидел меня, – вскричал Тилли, – удерем, а то он спустит собаку.

Оба стремглав бросились в переулок, перескакивая через заросшие крапивой канавы, и остановились на деревенской площади. Тилли сказал:

– Ничего особенного. Мне наговорили про него столько диковинных вещей, что я даже разочарован. Но что это? Неужели мне отстрелили ухо?

Он схватился рукой за мочку, и пальцы его стали красными.

– Пустяки, – сказал Брюс, – ухо лишь оцарапано; вообрази, что была кошка.

– Однако, прыжок этой кошки мог сделать меня мертвом мышью... еще вершок влево, и кончено. Сядем здесь, у ворот, в этой каменной нише, остатке феодальных времен.

– Ты демократ, тогда я на будущих выборах отдам свой голос Бородатой Свины.

– Свирепая шутка, – сказал Тилли, – нет, подвисься немного, и я расскажу тебе о том, что, стоя на твоих плечах, видел я в Луже Бородатой Свины.

II

Та, мрачный человек с веселыми глазами, здесь гость – и многие сплетни местечка неизвестны тебе. Бородатая Свинья, как его прозвали, иначе Зитор Кассан, веселился тут десять лет и жирел, как сумасшедший, не по дням, а по часам. Он нажил большие деньги на торговле человеческим мясом. Не делай больших глаз, под этим понимается только контора для найма прислуги. Ценой неусыпной бдительности и настоящих коммерческих судорог Зитор Кассан достиг своего идеала жизни. Существование его – бессмысленный танец живота и... тайна, таинственность, обнесенная той самой стеной, возле которой оцарапала меня кошка.

Дом его прозвали «Лужей», а его самого – «Свиньей», еще «Бородатой»; избидели человека в хвост и пятку. Но он сам виноват в этом. Он показывается – правда, редко – на улицах, в самых оцепенелых от грязи покровах и запускает свою растительность. Относительно его души я и заглянул сегодня во двор к Зитору Бородатому, но вижу, что мне много соврали.

Прежде всего, согласно уверениям женщин, я ожидал встретить большой чудесный цветок, среди которого из самых вонючих отбросов разведена лужа симпатичного зеленовато-черного цвета; над ней якобы стаи мух исполняют замысловатый танец, а Бородатая Свинья купается в этой самой жидкости. Но женщины – вообще очаровательные существа – не знают жизни; для такой лужи нужна выдумка и легкая ржавчина анархизма, где же взять это бедной свинье?

Нет, я видел не картину, а фотографию. Зитор Кассан лежал голый до пояса в самом центре огромного солнечного пятна, между собачьей будкой и дверью своего логова. У трех тощих деревьев стоял стол. Высокая, согбенная старуха служанка, с отвисшей нижней губой и медной серьгой в ухе, выносила различные кушанья. От них валил пар; телятина и различные птичьи ножки торчали со всех сторон блюд, а Бородатая Свинья пожирал их, сверкая зубами и белками на кувшинном своем портрете, и после каждой смены ложился на солнышек, нежно поглаживая живот ладонью; все время он пил и ел и, надо тебе сказать, пообедал за шестерых.

Двор не представлял ничего особенного: он был пуст, – вот все, что можно сказать о нем, безотраден и пуст, как сгнившая яичная скорлупа; в будке, свесив язык, лежала цепная собака да у старых костей под забором скакали вороны. Когда Зитор Кассан кончил шлепать губами, в дверях дома появилась женщина. Это была маленькая, но упитанная особа лет тридцати, с челкой на лбу и выдавшейся нижней челюстью. Она вышла и остановилась, а Зитор, стоя против нее, смотрел на нее, она на него, и так, с минуту, склонив, как быки, головы, смотрели они, не улыбаясь, в упор друг на друга, почесали шеи и разошлись.

– Простая штука, – сказал Брюс, – после этого он выпалил в тебя из револьвера?

– Вот именно. Он заметил, что я смотрю, и сказал громко: «Эй, эй, вору лезут ко мне, слезайте, воришка, а то будет плохо». Затем, без дальнейшего, выпустил пулю. Отомстим Зитору, Брюс.

– Есть. Давай бумагу и карандаш.

– Что ты придумал?

– Разные вещи.

– Посмотрим.

Брюс положил на скамейку листок бумаги и стал, посмеиваясь, писать, а Тилли читал через плечо друга, и оба под конец письма звонко расхохотались.

Было написано:

«Многочисленные тайные силы управляют жизнью животных и человека. Мне, живущему в городке Зурбагане, имеющему внутренние глаза света и треугольник Родоса¹, открыта

¹ Треугольник Родоса – возможно, А.С.Грин имел в виду «прямоугольник Родоса» – общий план прямоугольной застройки

твоя судьба. Ты проклят во веки веков землей, солнцем и мыслью Великой Лисицы, обитающей под Деревом Мудрости. Неизбежная твоя гибель ужасает меня. Отныне, лишенный всякого аппетита, сна и покоя, ты будешь сохнуть, подобно гороховому стручку, пожелтеешь и смертью умрешь после двух лун, между утренней и вечерней зарей, в час Второго красного петуха.

Бен-Хаавер-Зюр, прозванный «Великаном и Постоянным».

– А! – сказал Брюс, перечитывая написанное.

Тилли корчился от душившего его хохота. Повесы, похлопывая друг друга по коленкам, запечатали диковинное послание в конверт и опустили в почтовый ящик.

III

Лето подходило к концу. Вечером, загоняя коров, пастух играл на рожке, и Тилли, прислушиваясь к нехитрому звуку меди, захотел прогуляться. Он взял шляпу, тросточку и прошел в рощу. Он думал о жизни, о боге.

– Ну, смотрите, – сказал он вдруг, – вот еще меланхолик, бродящий, подобно мне, запинаясь о корни.

Неизвестный приблизился; Тилли, рассмотрев его, вздрогнул. Ужасен был вид у встреченного им человека: всклокоченная борода спускалась на грудь, синие, впалые щеки сводило гримасой, глаза блестели дико и жалобно, а руки, торча из ободранных рукавов, напоминали когтистые лапы зверя. Тряпка-шарф болтался на худой шее, неприкрытые волосы тряслись при каждом шаге, тряслась голова, трясясь весь человек.

– Господин Зитор Кассан, – сказал Тилли, не веря глазам, – что с вами?

– А, сынок помещика, – хрипло, облизывая губы, произнес Зитор и уныло рассмеялся, – а что со мной? Что, удивительно?

– Ничего, – сказал Тилли, но подумал: «Он исхудал на пять пудов, это ясно». Вслух он прибавил: – Что вы здесь делаете? Не ищете ли здесь лисицу под Деревом Мудрости?

Он не успел засмеяться и отойти, как Зитор положил обе руки на его плечи, обыскивая лицо Тилли подозрительным взглядом. И такова была сила его внимания, что Тилли не мог пошевелиться.

– Вы знаете, – сказал Зитор, – а что вы знаете? Это мне стоит жизни.

– Успокойтесь. – Тилли побледнел и необдуманно выдал себя. – Это была шутка, – сказал он, – я и Брюс сочинили для развлечения. Пустите меня.

Зитор держал его стальным усилием злобы и не думал отпускать. Пока он молчал, Тилли не знал, что будет дальше.

– Я думал над этим письмом, – сказал, наконец, Зитор. – Поэтому я и умру сегодня, в час красного петуха. Так это вы устроили мне, щенок? Ваше письмо взяло у меня жизнь. Я лишился аппетита, сна и покоя. До этого ел и спал хорошо. Я мало жил. Я много наслаждался едой, сном и женщиной, но этого мало. Я хотел бы еще очень много есть, спать и наслаждаться женщиной.

– В чем же дело? – сказал Тилли. – Вам никто не мешает.

– Нет, – возразил Зитор, – я могу наслаждаться, но ведь я умру. Ведь я думал об этом. Когда я умру, – я не смогу наслаждаться. Я сегодня умру, умру голодный, несытый, не съевший и четверти того, что мог бы скушать. Теперь мне все равно. Дело сделано.

– Охотно извиняюсь, – сказал, струсив, Тилли.

– Меня прозвали Бородатой Свиньей, – продолжал Зитор. – Свинья казнит человека.

Быстрее, чем Тилли успел сообразить в чем дело, Кассан Зитор ударил его по голове толстой дубовой тростью, и молодой человек, пошатнувшись, упал. Он был оглушен. Зитор наклонился над ним и стал что-то делать, а когда выпрямился, Тилли успел забыть о письме к Зитору навсегда.

– Два месяца я худел и думал, думал и худел, – пробормотал Зитор. – Довольно с меня этой пытки. Ах, все пропало! Но я бы охотно съел сейчас пару жареных куриц и колбасу. Все равно, жизнь испорчена.

Он удалился в глубину рощи, и скоро под его тяжестью закрипел сук, а в деревне, невинный и безучастный, запел рыжий петух свое надгробное Бородатой Свинье слово:

– Ку-ка-реку!